

Walerij Riedkin

Труд как основа нравственно-эстетического идеала поэзии Николая Рыленкова

Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze 5, 151-164

1981

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Труд как основа нравственно- эстетического идеала поэзии Николая Рыленкова*

Валерий Редькин

Идея труда органически вплетается в систему идеалов советской литературы. Возникновение нового типа реализма, социалистического, связанное с ликвидацией противоречий в художественном сознании писателя, соединением логики художественного повествования с логикой положительной программы, сопряжено в то же время с изменением объекта изображения, с появлением нового положительного героя, преодолевающего власть обстоятельств, с воплощением идеала свободного, раскрепощенного, творческого труда.

Признавая всеобщее значение труда в формировании нравственно-эстетических идеалов советских писателей, следует сказать, что образы, связанные с трудовым процессом, играют различную роль в их художественной системе, а понятие труда — в структуре их идеала. Труд может воспеваться и романтизироваться, а могут изображаться реальные процессы труда, поэтизироваться конкретные его формы.

Если соотношение идеала и реальной действительности играет важную роль в типологической характеристике литературы, то и определение места труда в системе нравственно-эстетических ценностей писателя приобретает актуальное значение.

Николай Рыленков принадлежит к числу советских поэтов, детство которых было связано с деревней. Формирование трудового идеала, этического, эстетического и нравственного у этих поэтов имеет автобиографическое начало. Многие стихи Н. Рыленкова навеяны воспо-

* Artykuł Walerego Riedkina, był przeznaczony dla tomu *Idea pracy w literaturze rosyjskiej*, który ukazał się nakładem Wydawnictwa UŚI. w 1980 r. Rozprawa Riedkina otrzymała w swym czasie pozytywną recenzję wydawniczą, nie mogła jednak ukazać się w tomie, dla którego była przeznaczona, ze względów formalnych, a mianowicie zbyt późno nadeszła sankcja WAAP-u (Wsiesojuznaja Agencyja Awtorskich Praw). Dlatego też decydujemy się na zamieszczenie tego artykułu w niniejszym tomie, jakkolwiek jego temat (*Praca jako podstawa moralno-estetycznego ideału poezji M. Rylenkowa*) odbiega od profilu problemowego niniejszego numeru (*Zagadnienie gatunków literackich*). — Red.

минаниями о босоном детстве, о полевых работах в отрочестве, о трудовой юности. Именно тогда сформировалось его мироощущение. С гордостью называет себя поэт „сыном пахаря”, „природным хлеборобом” (*К самому себе, Автопортрет*). Лирический герой поэта не теряет кровной связи с жизнью села:

„Я верен крестьянской природе,
На пашне был начат мой путь.
Бушует в полях половодье,
А в городе мне не уснуть.”¹

Ассоциации, связанные с крестьянским трудом на земле, проникают в пейзажную, любовную, философскую лирику Рыленкова, при этом преобладает идеальная сторона, подчеркивается его первооснова, его воспитательное, облагораживающее значение.

Собственный жизненный опыт — основа становления идеалов писателя. Другой источник формирования трудового идеала Н. Рыленкова связан с развитием литературных традиций Н. Некрасова, С. Есенина, крестьянских поэтов А. Кольцова и И. Сурикова. Образы, связанные с процессом земледельческого труда, у Рыленкова часто генетически связаны с поэтическими тропами фольклора. Так, в лирике военных лет поля у поэта „засеяны кругом слезами”, враги „сеют гнева семена”.

Первостепенное влияние на поэта оказали социальные процессы, связанные с утверждением социалистических принципов труда в годы первых пятилеток. В тридцатые годы повышается роль труда в системе ценностей советской литературы, писатели стремятся показать, как человек преобразует труд, а труд преобразует человека.

Трудовой идеал Н. Рыленкова воплощается в структуре стиха на всех ее уровнях. При этом в понятие структуры произведения мы включаем не только различные элементы его формы, но и содержание. Как подчеркивает М. Б. Храпченко, структура художественного произведения „не может быть сведена к соотношению »чистых« форм”². Показательны в этом отношении звуковая организация многих произведений Рыленкова, их лексика, поэтические тропы.

Один из излюбленных приемов Рыленкова — это смысловое сближение сходных по звуковому составу слов. Словосочетания „смутные сумерки”, „жадной жаждой”, „дебрей декабря”, „звенит зенит”, „горит горизонт”, „звездный зов”, „озёрная лазорь” и им подобные характерны для его стихов. Поэт широко использует звукопись, углубляясь в этимологию слов; понятия, связанные с трудом, переводит в философский план, подчеркивает их всеобщее значение: „Велит нам жито жаждой сева жить, рождает рожь святое чувство нови”. Здесь слово „жито”

¹ Н. Рыленков: *Снежица*, Москва 1968, с. 121.

² М. Б. Храпченко: *Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы*, Москва 1970, с. 26.

сопрягается со словом „жить”, слово „рожь” — со словом „рождать”.

Поэтизируя сам процесс крестьянского труда, Н. Рыленков не только широко использует поэтические тропы, но и создает определенный звуковой образ:

„Жито жала - - колос подымала,
Сноп визала --- зерен не роняла,
Скручивала перевязь тугую
Золотым соломенным жгутом.”

(т. 1, с. 168)³

Внутренняя рифма, консонанс (тугую-жгутом), аллитерации помогают передать эстетику труда.

„Особенность поэзии, — по словам Л. Н. Толстого, — в том, что в ней одно слово намекает на многое.”⁴ Слово для Рыленкова „с корнем жизни связано” и вызывает множество ассоциаций и представлений, часто связанных с трудовым процессом. „Мне слово »леток« — веет свежим сеном, а слово »осень« — хлебной новиной” — признается поэт в стихотворении *Над словом, как над камнем драгоценным*. Лексика, напоминающая о труде сеятеля, несет в поэзии Рыленкова огромный эмоциональный заряд. Недаром С. Наровчатов восхищается „ласковым словом »зернятка«”, которое так удачно использует Н. Рыленков для построения целостного образа одного из своих стихотворений⁵. „Я клал на ладонь полновесное слово”, — пишет поэт, и эта метафора, казалось бы лексически не связанная с трудом, на самом деле основана на сопоставлении труда поэта с трудом хлебороба: на ладонь кладут полновесное зерно — итог труда земледельца, а взвешивать слова — трудиться, отбирая их для стихотворения.

„Августовской ночью на поле,
В золотую зыбь пшеницы,
Часто-часто звезды капали,
Осыпался зарницы,
[...]”

(т. 1, с. 112)

— так начинает Рыленков один из своих лирических этюдов. Метафоры вызывают здесь целый ряд ассоциаций у читателя. Выражение „осыпаются зарницы” напоминает о созревшем в августе урожае, понятия „золотая пшеница” и „золотые звезды”, „капли дождя” и „зерна пшеницы” сливаются воедино и переходят одно в другое. Это позволяет читателю в поэзии Рыленкова делать неожиданные и в то же время близкие для себя открытия, воспринимать труд как явление эстетическое.

³ Н. Рыленков: *Стихотворения и поэмы*, Москва 1959. Далее ссылки на это издание в тексте.

⁴ Л. Бродский и др.: *Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников*, Москва 1955, т. 2, с. 63.

⁵ „Литературная газета” 1964, 5 сентября, с. 3.

В произведениях Н. Рыленкова мы довольно часто встречаем образы, символизирующие человеческий труд или его результаты: скирды хлеба, зрелый колос, рокот тракторов, огни электростанций. О чем бы ни писал поэт — о любви и юности, о военных испытаниях и мирном строительстве, об искусстве и природе — образы, связанные с трудом, в его стихи вплетаются органично, раскрывают духовный мир героя, играют важную композиционную роль, слиты с образной системой произведения. М. Исаковский справедливо отмечал, что в „пейзажных” стихах Рыленкова всегда присутствуют люди, их чаяния, их труд⁶.

Проследившая „круговорот времени” в природе, автор связывает каждое время года с трудовым календарем деревни. Изображение весны, как правило, связывается с началом полевых работ (*Первый дождь, Журавли еще в полночь весну принесли...*), в картину летнего пейзажа обычно вплетаются „узорочье лугов цветное, теплый воск желтеющих полей”, картины сенокоса (*Все богатства русского пейзажа..., Лето*), а осень — это сбор урожая (*Осенние октавы*). Во многих стихах поэт славит непобедимый жизни зов, целительную силу труда (*Если ты умывался росой на рассвете..., Тракторист, Победитель, В лесу, где дрозды промывают глаза... и т. д.*), но мысль поэта от наблюдений за жизнью природы не всегда непосредственно обращается к труду человека. Чаще — это иллюзия присутствия человека-труженика, основанная на цепи ассоциаций.

В послевоенное время в „осенних” и „августовских” стихах Рыленкова звучит раздумье о прошлом, об ответственности за свой труд (*Труды спелых плодов в саду..., Блеклые краски осени поздней...*). Времени в жизни остается немного, необходимо подвести итоги, в стихах ошутима внутренняя тревога:

„Вот-вот и осень на порог
Придет под шелест листопада...
А все ли сделал ты, что мог,
А все ли делал так, как надо?”
(т. 2, с. 121)

Н. Рыленков одним из первых в советской поэзии периода Великой Отечественной войны воспел возрождение родной земли. Кажется, не хватит сил, чтобы восстановить мир и счастье, поднять из руин города, заново на горьких пепелищах отстроить села, но поэт верит в неиссякаемую извечную способность матери-земли к возрождению и передает это в конкретных образных картинах:

„Врезались в древесину зубья пил,
И топоры щепу швыряли оземь,
Пока посеvy теплый дождь крошил,
Пока воронки заливала озимь.”
(т. 1, с. 232)

⁶ М. Исаковский: *Живая поэзия*, „Правда” 1962, 7 февраля, с. 6.

Радость, бодрость, оптимизм, наслаждение прекрасными картинами природы и мирного труда, предчувствие скорой победы — все это поэт соединяет в цельной гармоничной композиции поэмы *Сотворение мира*. Сравнения и метафоры, связанные с военным бытом, все более вытесняются ассоциациями с картинами земледельческого труда, крестьянского быта: весна, как агрономша, июль похож на косца, август — на рачительного бригадира, а облака на фоне вечерней зари напоминают поэту привычную сцену деревенской жизни:

„Закат в полях открыт ворота
 У поворота большака.
 Вокруг высокого омета,
 Толкаясь, бродят облака.“
 (т. 1, с. 334)

Мотив труда часто играет в стихах Рыленкова важную композиционную роль: он кольцом охватывает стихотворение (*То ли гречка цветет...*), пронизывает его насквозь, претерпевая определенное развитие (в стихотворении, ставшем известной песней, *Ходит по полю девчонка* вначале „прорастает в поле лен“, затем „зацветает в поле лен“, „поспевает в поле лен“ и, наконец, „лен на славу удался“); образ, связанный с трудом, может быть кульминацией, переломным моментом стихотворения (например, в стихотворении *Прощанье с юностью* строки „Это август горячей дрожью наполняет колос созревший“ намечают переход от грустного, элегического тона к бодрому, оптимистическому: „Что же, прощай, моя юность! Здравствуй, с полной горстью колосьев зрелость!“ — зрелость человека ассоциируется со зрелым колосом). В стихотворении *Пусть говорят, что яблоневым цветом...* развернуто сравнение этапов жизни человека и зреющего плода.

Нравственно-эстетические идеалы писателя наиболее глубоко и всесторонне воплощаются в его концепции личности на уровне изображения характеров. Рольевые герои поэзии Рыленкова, его лирический герой — это прежде всего люди труда.

Сборники Н. Рыленкова тридцатых годов (*Мои герои, Встречи, Колосья, Дыханье, Истоки*) — это лирический дневник повседневной жизни советских людей, создающих социалистическую деревню. Поэт выражает в своих стихах переживания рабочего-двадцатипятилетнего, председателя колхоза, агронома, крестьянина, ставшего колхозным животноводом или полеводом, с глубоким лиризмом повествует о судьбе женщины-крестьянки (*Зеленый цех, Бригадир, Обнаженная биография, Твой путь*). В первых книгах Рыленкова лирический герой такой же труженик села. Поэт показывает пробуждение в советском человеке социалистического отношения к труду, социальные чувства выражаются им как чувства глубоко личные.

Характерны трудовые профессии героев поэм Николая Рыленкова: пасечник (*Земля*), лесник (*Леший и Аленушка, Лесная сторожка*),

бедный крестьянин-сказочник (*Ананья из Старой Ломни*), чеканщик (*Великая Замятня*), садовник (*Сад*), пастух (*Когда трубит пастух*). Этим героев облагораживает близость к природе, народному творчеству. Они стремятся к философскому осмыслению мира, являются носителями трудовой народной мудрости, нравственности и эстетики. Герой Рыленкова — веселый или замкнутый, но всегда скромный, сердечный, простой, поэтичный и трудолюбивый человек, не отделимый от народа, живущий его интересами, ведущий борьбу с социальным и национальным угнетением.

В годы войны Рыленков не изменил своим идеалам. Он ушел добровольцем на фронт, командовал саперным взводом, и подвиг солдата он воспринимал прежде всего как ратный труд. Фашистское нашествие изображается им как трагическое нарушение естественных трудовых процессов в деревне:

„Свежий ветер пахнул. Он из ближнего бора
Земляники и меда мне запах принес.
Значит, близится время веселое сбора,
С детства милая сердцу пора --- сенокос!
Только смято немецкими танками лето,
Гром орудий в лугах косарей разногал [...]”

(т. 1, с. 190)

Не раз в годы войны поэт высказывает мечту о возвращении к мирной жизни (*День такой придет, мы знаем это..., Мы снимем с плеч тяжелые шинели...*). Солдаты и партизаны в его стихах — бывшие труженики полей (*Возвращение, Мой сосед*). И в это время с глубокой личной заинтересованностью поэт воспекает строителей и земледельцев: „Они из пепла мир творят своими умными руками”, „Стучат, стучат их топоры, гром орудийный заглушая!”. Автор твердо верит: „Как ни кромсают землю танки — все снова выровняет плуг”. Солдат мечтает о мирном труде, о том, как будет выращивать хлеб, косить, строить дома. Он сердцем чувствует, как земля стосковалась по нем, она, „как солдатка, его ждала” (поэма *День встречи*). Герой первых послевоенных сборников поэта полон романтикой мирного труда: „И садится за трактор вчерашний танкист, напевая про дальний поход”.

Труженицей оказывается и героиня лирических стихов Рыленкова, будь она полеводом, архитектором или просто матерью своих детей. В социалистическом обществе, как и в этических представлениях народа, трудом определяется уважение к человеку. И любовь может возникнуть на основе совместного, радостного творческого труда. Эта мысль не декларативно, а тонко и поэтично выражена во многих стихах поэта. Облик героини рисуется образно, возвышенно, задушевно:

„За тобою звезды полукругом,
И луна серьгой в ушке твоём,
Ты скажи, пожалуйста, подругам,
Чтобы нас оставили вдвоем.

Шел я полем, как ты рожь косила.
 Ряд веда на сажень в ширину.
 Свистнула я: откуда эта сила?
 Вот бы мне такую взять жену!"

(т. I, с. 73)

Без первого четверостишия, где облик девушки романтически приподнят, стихотворение было бы риторичным. Не случайно и то, что две последние строфы рисуют героиню мастерицей петь и плясать. Поэт обращает внимание на главное в ее облике, на те черты, которые говорят о незаурядности ее духовного мира. Где же, как не в труде, песне и пляске, раскрывается душа человека? В стихотворении *Елена Прекрасная* героиня предстает в образе волшебницы из русской сказки. Там, где она проходит, стелется „мягкая трава”, „зацветает яростная рожь”. „гроздья яблок темные висят”. Она „луга расчистила”, „поля засеяла”, „сады возделала”, „жаждущую землю напоила”.

Стремление к труду, созидающему блага не только для себя, но и для всех людей — основная черта характера героя в творчестве Николая Рыленкова. Она распространяется и на представителей мира искусства, лирические портреты которых поэт создает во многих своих произведениях. Поэт славит талантливых умельцев прикладного народного искусства — резчиков по дереву и металлу, бочаров, швцов, кружевниц (*Мастерство, Пшеничный колос вырезан из меди..., Калужские швцы по первопутку..., Мне нравится искусство бочара...*). Эти стихи программные, поэт включает их во все свои сборники избранной лирики. Он видел пример для себя в труде народных мастеров: „Нужны мне глаз и мудрость бочара, чтоб речь скреплять, как бочку обручамп.”

Н. Рыленков в послевоенные годы пишет стихи о Толстом, Гоголе, Лермонтове, Маяковском, Кольцове и Никитине, Есенине, Пушкине, Глинке, Бетховене, Рублеве, Врубеве и многих других замечательных деятелях русского и мирового искусства. О каком бы гении ни писал Н. Рыленков, в каждом он открывал черты, близкие его собственному нравственному идеалу, основанному на морали народа-труженика. Л. Толстой — это „совесть пробудившейся земли”, в творчестве Пушкина и Глинки „душа родной страны воплощена”, в Лермонтове его привлекает любовь к отчизне, в Маяковском — революционность и гражданственность, в Белинском — влюбленность в „поэзию, народ, родные дали”, в Андрее Рублеве — „свежий взгляд на мир и вера в человека”; творческий путь Никитина для него „подвиг жизни”, Стасова — путь борца за правду. Но всех их объединяет творческий труд во имя высших идеалов.

Особенно высоко было оценено критикой стихотворение Рыленкова *Творчество*, посвященное гениальному земляку поэта, народному худо-

жнику — С. Т. Коненкову. Какова цель творчества? Для чего мастер взял резец? Для поэта это кардинальный вопрос. Коненков творит, чтобы „прозрел слепой, набрался сил, кто слабым был доньше”, именно поэтому „и дерево, и камень, и металл — все мастеру подвластно”. Поэту близок Коненков и как художник, и просто как человек, который „трудягой, мудрым русским мужиком, достигнув славы мировой, остался”. Превосходно написана заключительная сцена произведения — по русскому обычаю земляки подносят прославленному скульптору хлеб-соль:

„Не к теплой корке прикоснулся губы, —
 Ко всем, чье сердцу дорого родство.
 И что ему всемирной славы трубы,
 Что громких юбилеев торжество!
 Ваш скромный дар, простые трудолюбия, —
 Вот высшее признание для него!”

„В нем моя жизнь и творчество раскрыты с пристальной наблюдательностью”, — так отозвался о стихотворении С. Коненков⁸.

Герои поэм Н. Рыленкова *Большая дорога* и *Петербургский туман* — поэты Вдовин и Вишняков, тоже имеют трудовую, мужицкую заваску, создают произведения близкие и понятые народу. Эти поэты — ролевые герои Рыленкова — по своему характеру во многом совпадают с его лирическим героем, который мечтает так сложить свою песню,

„Чтобы тот, кто распит хлеба,
 Молвил, вытерши пот со лба:
 Как я жил без нее? Она
 Мне, как хлеб насущный, нужна!”

От сборника к сборнику лиризм Н. Рыленкова усиливается, повышается страстность его стихов, расширяется изображение интимного мира человека, растет духовное богатство труженика. Этот процесс, связанный с развитием лирических мотивов во всей советской поэзии, уже к 1940 году привел к тому, что вызвал необоснованные нарекания вульгарно-социологической критики, которой показалось существование лирического героя сборника *Березовый перелесок* праздным, а его внутренняя жизнь далекой от „внутреннего состояния” „простого смертного человека”¹⁰. После войны все в поэзии Рыленкова, относящееся к „совокупности садов, прудов, черемух, зреющих нив”, объявлялось „негодными красками”, ему, как и другим поэтам, в пример ставился газетный очерк, где в пейзаж обязательно вписывалась новая колхозная ГЭС¹¹.

⁸ Н. Рыленков: *Избранная лирика*. Москва 1965, с. 292.

⁹ С. Коненков: *Раздумья о стихах Н. Рыленкова*. „Рабочий путь” 1962, 26 января, с. 3.

¹⁰ Н. Рыленков: *Избранная лирика...* с. 313.

¹¹ Д. Данин: *В березовом перелеске*, „Новый мир” 1941, № 4, с. 243.

¹² В. Котов: *О чувствах нового в поэзии*, „Знамя” 1951, № 1, с. 184.

Фактически эти критики требовали от поэта декларативности, заданности, однолинейности, возвращения к лирическому герою начала тридцатых годов. Несколько стихотворений поэт создал по этому рецепту в конце сороковых годов. „Производственная тема” выдвигается здесь на первый план в ущерб раскрытию души человека. К „гулу тракторов” сводится стихотворение *Когда листва шумит, как дождь...*, а в стихотворении *Соперницы* героиня невзрачна, голос у нее „как шелест листьев, тих”, но она в поле „видна дальше всех”, и у нее нет отбою от парней. Такие стихи в целом не характерны для Рыленкова.

Идеал Н. Рыленкова — личность творческая, талантливая, несущая в душе внутренний огонь, зажигающая его в других. Богат, многоцветен и прекрасен духовный мир лирического героя Рыленкова. Это умный, волевой, сознающий свое достоинство человек, полный сил и внутреннего очарования. Писателя интересует внутренний мир не рафинированного интеллигента, а интеллигента первого поколения, не порвавшего нити, связывающие его с жизнью трудового народа, и в то же время умеющего тонко и сложно чувствовать, испытывать глубокие переживания.

Неразрывно связанный с народной оценкой жизни, нравственно эстетический идеал Н. Рыленкова включает в себя труд как основу ценности личности, красоты, мастерства и искусства. Труженики — герои его произведений, труженица, „заботница” Родина и сама природа.

На высшем — идейном уровне произведения, который, конечно, невозможно оторвать от всей совокупности его художественной структуры, идеалы писателя выражаются еще более непосредственно, чем на уровне характеров, и вытекают прежде всего из того, какие проблемы ставятся в произведении и как они решаются. Проблемы, связанные со строительством социализма, борьбой с силами зла, духовно-нравственного богатства человека, взаимоотношений поколений, интернационального и национального и многие другие решаются Н. Рыленковым с точки зрения созидającego народа, поступательного движения человечества к лучшему будущему, с точки зрения роли труда в жизни каждого человека.

Мотив труда играет основную роль в решении Рыленковым проблемы человеческого счастья. Чтобы познать счастье, считает он, надо ощутить жажду вдохновенного, творческого труда. Поэт воспевает „счастье первой бороздой пройти”, радость создания художественных ценностей. В стихах Рыленкова „зерно на ладони” — символ счастья. Поэт знает, сколько труда надо вложить, прежде чем можно будет взвесить на ладони созревшие зерна. „И ко мне полновесные зерна поднесет на ладони большой”, — мечтает девушка; „Зерно на ладони подам тебе — бери”, — обращается лирический герой к любимой.

В пятидесятые—шестидесятые годы его особенно волновали пути развития современной деревни. Этим проблемам, оказавшимся в центре внимания советской литературы, посвятили свои стихи А. Прокофьев,

В. Солоухин, А. Яшин, С. Викулов и др. Рыленков не остается в стороне. Он поэтизирует новое отношение человека шестидесятых годов к земле, к крестьянскому труду (*Просторы августа бескрайни..., Желтый свет сквозит в листьях березы..., Наш новый мир* и т. д), бичует все, что мешает развитию сельского хозяйства:

„Смешон мне, кто не может отличить
Горох от гречи на просторах пашен.
Но если власть дана ему ушить,
Как сеять хлеб, он не смешон, а страшен.“¹²

По мысли поэта, приобщение к истокам жизни — труду хлеборобов, заботам и помыслам деревни — очищает душу человека, дает возможность правильно оценить свою жизнь, свои дела:

„Оттуда мы без позолоты
Увидим за дымкой села
Свои городские заботы,
Свои городские дела.“¹³

Сердце поэта бьется в лад с сердцами тружеников полей. Это отмечалось и критикой. „Вся поэзия Николая Рыленкова отвечает взглядам и нравам тех людей, которые выращивают урожай“, — пишет Б. Соловьев¹⁴. Но противопоставления города и деревни, индустриального и сельского труда, техники и природы, встречавшегося, например, у В. Солоухина, у Н. Рыленкова нет. В его стихах „запах вспаханной земли смешан с запахом бензина“, „рокочит трактора, певчих птиц не заглушая“, „шесть антенны и шесть скворечни на закате рядом стоят“.

В пейзажной лирике Рыленкова большое место занимают экологические проблемы. Сельский труд близок поэту еще и потому, что он приближает человека к природе. Говоря о людях, далеких от „мира зеленого“, далеких не тем, что живут в городе, а чуждых этому миру своей душой, своим утилитарным отношением к природе („угрюмый их глаз видит лишь водоемы в озерах, а в лесу древесины запас“), поэт утверждает, что труд этих людей бессмыслен („Ни себе, ни другим не на радость суетливые хлопоты их!“).

Проблемы поэта и поэзии рассматриваются Рыленковым также через призму идеала творческого, созидательного труда. Позиция лирического героя и творческая практика самого поэта находятся здесь в полном единстве. Та отточенность формы, та прозрачность стиха и ясность прозы, к которым привык читатель, давались Рыленкову нелегко: упорный, подвижнический труд сопровождал каждый его успех. Записные книжки поэта свидетельствуют, что он создавал множество

¹² Н. Рыленков: *Снежица...* с. 125.

¹³ Н. Рыленков: *Пятое время года*, Москва 1965, с. 118.

¹⁴ Б. Соловьев: *Вторая весна*, Москва 1961, № 11, с. 177.

вариантов почти каждой стихотворной строки. „Писать умеют даже подмастерья, зачеркивать же только мастера”, — декларировал он в одном из своих стихотворений и свое „святое ремесло” сравнивал с трудом бочара, столяра, гончара, но чаще всего хлебороба:

„И все отдав карандашу
Он весь мой инвентарь.
Бессной и осенью пашу,
Под озимь и под ярь.”¹⁵

Идеал Н. Рыленкова — труд вдохновенный, труд творческий. В стихотворении *Наш новый мир* поэт провозглашает принцип социалистического труда и распространяет его на всех тружеников: „Всем трудолюбам и поэтам закон один — ищи, твори.” Дело не в том, чем занимается человек — пашет землю, строит, шьет или пишет музыку, а в его способности воплотить мечту в действительность. Поэт изображает сам процесс творческого труда, строя на этом лирический сюжет (*Снегурочка, Пишет девушку в поле художник...*), от имени лирического героя говорит о радостях и горестях поэтического творчества. „А я из плоти собственной творю, я сам себя, как матерьял, кромсаю”, — признается он. Проникая в самую суть творческого процесса, поэт пишет о горьких неудачах, разочарованиях и минутах наслаждения своим трудом, счастливых мгновениях вдохновения (*Есть пора завершения работы..., Пока не брызнет по нивам влага...*).

Поэтически осмысливая действительность, Н. Рыленков стремится открыть внутреннюю красоту окружающего. Он идет на свидание с природой, искусством, „чтобы в заботах дня не стосковалась по красоте несуетной душа”. В человеке его привлекает артистизм, сочетание красоты внешней и внутренней, красоты помыслов и поступков, и последние имеют для него решающее значение. Поступок, дело, труд являются основой эстетического освоения мира Рыленковым. Он утверждает: „Лишь одно не стареет с годами: красота человеческих дел.”

При этом нравственное и эстетическое неразделимы для Рыленкова. Он идет от народных, трудовых представлений о прекрасном в жизни. В одной из своих литературоведческих статей Рыленков писал: „Согласие прекрасного и полезного не имеет ничего общего с утилитаризмом. Оно органически вытекает из морального кодекса трудового человека. Недаром же в народе дурной поступок называют некрасивым. В понятии народа только прекрасное, нравственно чистое может быть полезным.”¹⁶ Для поэзии Рыленкова свойственно слияние нравственного и эстетического идеала, и это единство он считает вообще основой искусства.

¹⁵ Н. Рыленков: *Снежица*, ..., с. 126.

¹⁶ Его же: *Душа поэзии*, Москва 1969, с. 206.

Простота, скромность, постоянство, верность своим идеалам, просветленность и лиризм — характернейшие черты личности самого поэта, его лирического героя, его индивидуального стиля. Какими бы замечательными умельцами ни были его герои, они никогда не хвастают своим мастерством, какие бы добрые, смелые, героические поступки ни совершали, они не любят рассказывать о своих подвигах.

В последние годы жизни Н. Рыленков создал много стихотворений, ставящих морально-этические проблемы. В них прямо выражены нравственные принципы автора. Народное представление о моральных ценностях лежит в основе нравственного идеала поэта. При этом труд является основным критерием, говорит ли он о „прописных истинах“, известных с библейских времен и бережно хранимых народом: честности, правдивости, доброжелательности, бескорыстии, доброте, воспевает ли любовь и дружбу, утверждает ли понятия долга, чести, совести. Он непримирим к тем, кто „мудрствованием ложным отвращает детей земли от матери земли“; издеваясь в эпиграмме над болтунами, он заявляет:

„Ты говоришь умно, цветисто,
Но убеждаешь только в том,
Что хлеб не зреет от витийства
И не встает под крышу дом.“¹⁷

Поэт выступает за активную, полнокровную жизнь, призывая дышать свежим запахом полей и лесов (*В чем виноват — винюсь...*). В поисках единой правды для всех поэт обращается к диалектике правды труда:

„Мы в ладонях своих принесли
Правду плуга и правду земли,
Правду колоса и серпа,
Правду тока и правду снопа,
Правду жернова и зерна...
Эта правда навек одна.“¹⁸

Для Рыленкова характерна цельность восприятия мира. Это поэзия согласия, гармонии, а не диссонансов.

Однако проблемы, выдвигаемые развивающейся жизнью, настолько сложны, что поэт не может их решить однозначно, полностью и окончательно. Отсюда в его стихах мотив сомнения, интонация раздумья, что проявляется в самой форме произведений. Поэт часто обращается с вопросами и к читателю, и к самому себе: „А все ли сделал ты, что мог, а все ли делал так, как надо?“, „А сам ты удар топора отвел хоть от одной березки?“, „Что значит сыном века быть? Неужто прошлое забыть?“

¹⁷ Н. Рыленков: *Снежица*. ..., с. 126.

¹⁸ Там же, с. 79.

В реалистическом отображении жизни поэт не искал легких путей, не обходил подводные камни, не боялся признаваться в своих ошибках, не уставал искать истину. В его стихах не раз появляются слова о том, что он „с собой бороться не устал”, „в спор с самим собой вступает”. Поэт рос, мужал, углублялось его понимание мира и человека, природы и искусства, прошлого и настоящего, претерпевали развитие и его идеалы. Его искания и даже ошибки порождены коллизиями нашего во многом противоречивого времени, меняющего не только оценки и пристрастия, но и поворачивающего явление действительности иной, подчас противоположной стороной. И в то же время Рыленков всегда остается верен себе. Это подчеркивают в своих критических работах и А. Метченко, и Б. Соловьев, и Е. Осетров, и А. Македонов¹⁹. В чем же это единство? Видимо, в том, что трудовая эстетика и нравственность для поэта являются непреходящими ценностями.

Рыленков в своих произведениях воплощает не только свой личный жизненный опыт, но и опыт своего поколения. „А без них я ничего не значу, позабытый колос я без них”, — пишет он о своих сверстниках. Трудную, трудовую судьбу своего поколения, посвятившего себя строительству социализма, не жалевшего жизни в сражении за Родину, за счастье народа, поэт считает примером нравственного подвига для всех последующих поколений. В конечном счете нравственно-эмоциональный исторический опыт всего советского народа-труженика лежит в основе идеалов Николая Рыленкова. Так поначалу поэт крестьянский, деревенский, смоленский Рыленков стал народным поэтом.

¹⁹ А. Метченко: *Кровное, завоеванное*, Москва 1971; А. В. Македонов: *Очерки советской поэзии*, Смоленск 1960; Е. Осетров: *Познание России. Очерки*, Москва 1962; Б. Соловьев: *От истории к современности*, Москва 1973.

Walerij Riedkin

PRACA JAKO PODSTAWA MORALNO-ESTETYCZNEGO IDEALU POEZJI NIKOLAJA RYLENKOWA

Streszczenie

Ideał pracy w poezji Nikołaja Rylenkowa jako wartość moralno-estetyczna ukształtował się pod wpływem więzi autora z życiem wsi, a także w zależności od określonych tradycji literackich, i wreszcie — od ogólnej atmosfery epoki budownictwa socjalizmu. Znajduje on wyraz w strukturze artystycznej wszystkich poziomów strukturalnych jego utworów. Motywy pracy kształtują swoiście dźwiękową organizację poezji Rylenkowa, jej leksykę, tropikę i kompozycję.

W moralno-estetycznym światopoglądzie M. Rylenkowa, niepodzielnie związanym z ludową koncepcją życia, istotną rolę odgrywa pojęcie pracy twórczej jako

kryterium wartości człowieka, piękna, mistrzostwa i sztuki. Światopogląd poety cechuje przekonanie o więzi moralnych i estetycznych idealów, będących podstawą sztuki. Pogląd ten determinuje w ostatecznej instancji moralno-emocjonalne i historyczne doświadczenie narodu radzieckiego, jego praca i walka.

Walerij Riedkin

**WORK AS A BASIS OF NIKOLAY RYLENKOV'S MORAL AESTHETIC
IDEAL OF POETRY**

S u m m a r y

The ideal of work in Nikolay Rylenkov's poetry, as a moral aesthetic value, was formulated under the influence of the author's bonds with the life at the country and the influence of relations from the defined traditions of literature and, at last, the general atmosphere of the epoch of constructing the socialist system. It is expressed in the artistic structure of all levels of his works. The leitmotif of work specifically formulates the sound arrangement of Rylenkov's poetry, its lexis, tropics and composition.

In the moral-aesthetic outlook of N. Rylenkov, which is inseparably connected with the folk concept of life, there is an important role to be played by the notion of creative work as a criterion of estimation of human values, beauty, mastership and art. The poet's outlook contains the conviction of the moral and aesthetic attachment of ideals which are the basis of art. This opinion determines, as a most important judgement, the moral-emotional and historical experience of the Russian nation, its work and fight.